

**Система подчинительных средств связи в сложном предложении
(на материале собственно карельского наречия карельского языка):
опыт классификации**

Н. В. Патроева

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
nvpatr@list.ru*

Т. В. Пашкова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
tvpashkova05@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается вопрос о способах оформления подчинительных связей в карельском языке. Типология средств подчинения в собственно карельском наречии карельского языка свидетельствует о разнообразии выражаемых союзами и союзными словами грамматических отношений в сфере сложноподчиненного предложения.

Цель: рассмотреть семантические группы союзов и союзных слов, функционирующих в сложноподчиненных конструкциях собственно карельского наречия карельского языка, а также описать ареал распространения данных гипотаксических коннекторов.

Материалы исследования: образцы карельской речи, словари карельского языка, учебники и учебные пособия по карельскому языку.

Результаты и научная новизна. Подчинительные конструкции собственно карельского наречия в сфере сложного предложения карельского языка не были предметом специального исследования. Новизна исследования заключается в том, что предлагается наиболее полная из имеющихся в научной литературе на данный момент классификация групп гипотаксических коннекторов собственно карельского наречия карельского языка и уточняется ареал их бытования. Перечень союзов и их семантические особенности свидетельствуют о достаточно широкой функциональной палитре системы гипотаксиса в карельском языке. Многозначность ряда союзов доказывает давность их бытования в диалектном узусе. Авторы статьи, предлагая семантическую типологию средств союзного и относительного подчинения в сложных конструкциях собственно карельского наречия карельского языка, уточняют и дополняют уже имеющиеся в учебной литературе опыты классификации союзов и союзных слов. Подчеркивается отсутствие союзов следствия в карельском языке. Этимологический анализ союзов выявил большой удельный вес коннекторов, заимствованных диалектами карельского языка из русского и являющихся общим прибалтийско-финским наследием. Практическая значимость полученных в ходе проведения семантико-синтаксического анализа сложноподчиненных предложений карельского языка заключается в релевантности полученных результатов для разработки вузовских и школьных учебников по грамматике собственно карельского говора карельского языка, для развития методологии синтаксических и сопоставительно-типологических исследований в области финноугроведения.

Ключевые слова: синтаксис, коннекторы, реляты, карельский язык, русский язык, диалекты.

Благодарности: Выражаем благодарность Евгению Валентиновичу Каракину, старшему преподавателю кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, за помощь, оказанную в ходе подготовки карт.

Для цитирования: Патроева Н. В., Пашкова Т. В. Система подчинительных средств связи в сложном предложении (на материале собственно карельского наречия карельского языка): опыт классификации // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 280–290.

**The system of subordinating means of communication in a complex sentence
(on the material of the Karelian dialect of the Karelian language):
classification experience**

N. V. Patroeva

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
nvpatr@list.ru*

T. V. Pashkova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
tvpashkova05@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article considers the question of the ways of designation of subordinate relations in the Karelian language. The typology of the means of subordination in the Karelian dialect of the Karelian language testifies to the diversity of grammatical relations expressed by conjunctions and connective words in the sphere of a complex sentence.

Objective: to consider the semantic groups of conjunctions and connective words functioning in complex constructions in the Karelian dialect of the Karelian language, as well as to describe the area of distribution of these hypotaxis connectors.

Research materials: samples of Karelian speech, dictionaries of the Karelian language, textbooks on the Karelian language.

Results and novelty of the research: subordinate constructions of the Karelian dialect in the sphere of a complex sentence of the Karelian language have not been the subject of special research. The novelty of the study lies in the fact that the most complete classification of groups of hypotaxis connectors in the scientific literature at the moment of the Karelian dialect is proposed and the area of their existence is specified. The list of conjunctions and their semantic features indicate a fairly wide functional palette of the hypotaxis system in the Karelian language. Polysemy of a number of conjunctions proves the long-term nature of their existence in dialect usage. The authors of the article, offering a semantic typology of the means of conjunction and relative subordination in complex constructions of the Karelian dialect of the Karelian language, clarify and supplement the experiments already available in the educational literature on the classification of conjunctions and connective words. The absence of conjunctions of consequence in the Karelian language is emphasized. Etymological analysis of conjunctions revealed a large proportion of connectors borrowed by dialects of the Karelian language from the Russian one and are a common Baltic-Finnish heritage. The practical significance of the research lies in the relevance of the results obtained for the development of university and school textbooks on the grammar of the Karelian dialect of the Karelian language, for the development of the methodology of syntactic and comparative typological studies in the field of Finno-Ugric studies.

Key words: syntax, connectors, relates, Karelian language, Russian language, dialects.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to Evgeny Valentinovich Karakin, Senior Lecturer of the Baltic-Finnish Philology Department of Petrozavodsk State University, for the help provided in the preparation of maps.

For citation: Patroeva N. V., Pashkova T. V. The system of subordinating means of communication in a complex sentence (on the material of the Karelian dialect of the Karelian language): classification experience // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (2): 280–290.

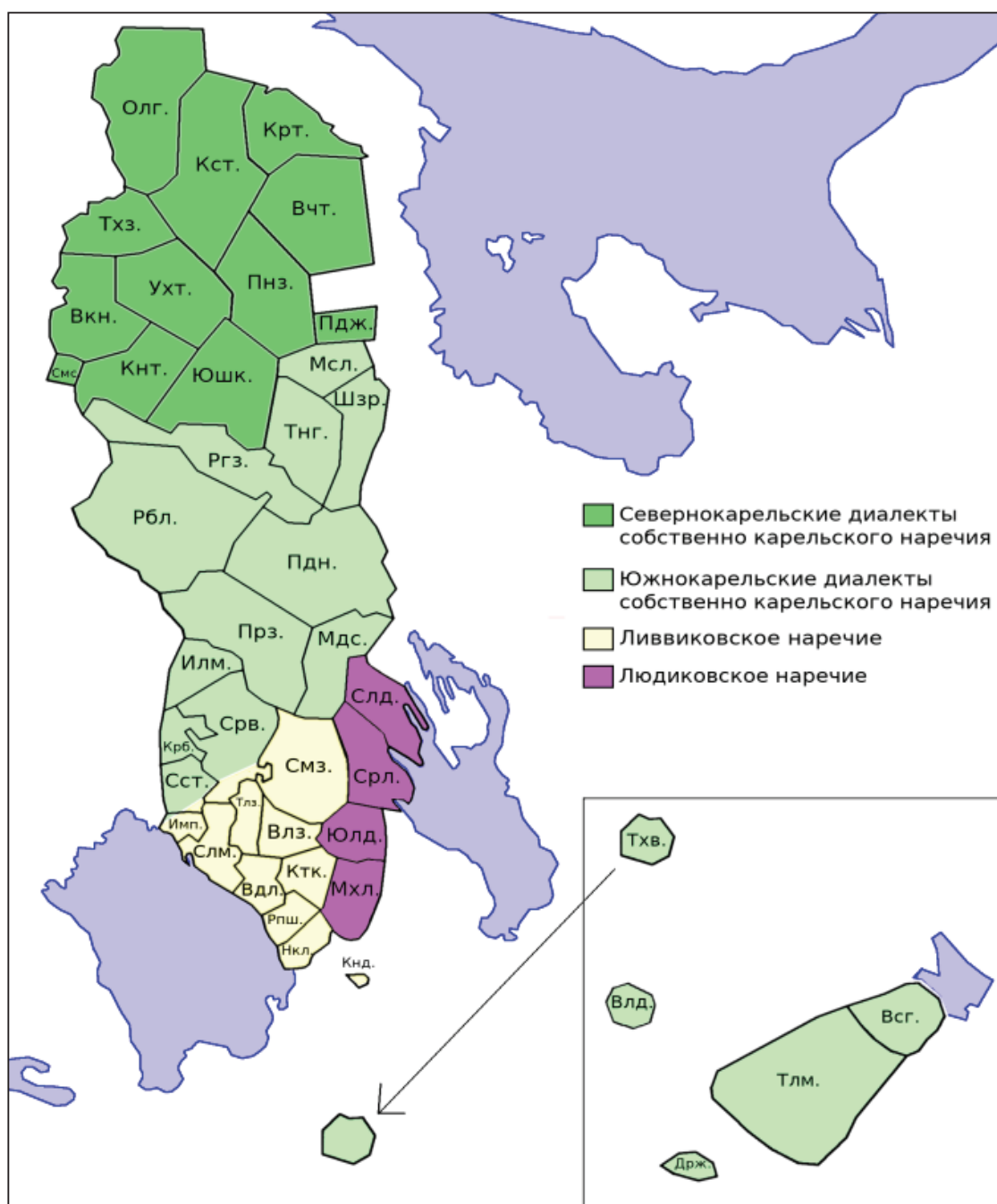
Введение

Карелы являются третьим по численности прибалтийско-финским народом, насчитывающим, согласно переписи населения 2010 г., 60815 человек, из которых 45570 проживают в Республике Карелия. Язык карелов – карельский язык – относится к прибалтийско-финской группе уральской языковой семьи [2, 15]. В карельском языке различают три наречия: собственно карельское, ливвиковское и людиковское, которые делятся на диалекты, в свою очередь члениющиеся далее на говоры. Собственно карельское наречие распространено в северной и центральной Карелии, Ленинградской и Тверской областях; ливвиковское наречие – в Олонецком и Пряжинском районах; людиковское наречие – Пряжинском, Кондопожском, Прионежском и Олонецком районах (см. карту 1) [13, 59].

В поле зрения учёных находятся различные аспекты карельского языка: лексика, фонетика, морфология и др. (см., например, [6; 10; 12; 15; 16; 31; 32]), однако синтаксис карельского языка

изучен менее детально: первым и единственным комплексным описанием синтаксиса карельского языка является очерк В. П. Федотовой [23]. Отдельные статьи, главы учебников и учебных пособий по карельскому языку посвящены некоторым аспектам его синтаксической системы – таким, например, как тип подчинительной связи на уровне словосочетания, грамматические значения падежных форм, некоторые структурные типы простого предложения.

В данном исследовании мы обратимся к группам союзов, а также союзным словам местоименного происхождения в диалектах собственно карельского наречия карельского языка с целью построения подробной классификации подчинительных средств связи (сочинительные союзы некоторых наречий карельского уже были предметом анализа: см., напр., [14]), используемых в упомянутом наречии на уровне сложноподчиненного предложения, а также представления системы подобных коннекторов в этимологическом и сравнительно-типологическом аспектах.

Карта 1. Диалекты карельского языка [12, 23].

Материалы и методы

В ходе проведения настоящего исследования использовались теоретические источники по синтаксической проблематике в русском и карельском языках [3; 7; 9; 11; 17; 23; 30]. Языковые примеры извлекались из словарей и нормированных грамматик собственно карельского наречия [21; 24; 26; 28; 29].

В процессе работы применялись в дополнение к общенаучным теоретическим и эмпирическим методам исследования (индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение, сравнение и поиск аналогий,

наблюдение, описание, системный и структурный подходы) и конкретизирующие их процедурные приёмы (ознакомление с материалом, выдвижение гипотезы, оценка основательности предположения, проверка гипотезы). Исследование выполнено с применением функционально-семантического, этимологического и сопоставительно-типологического методов, метод контекстуального анализа, лексикографического описания значения коннекторов как их «толкования» с опорой на данные двуязычных и этимологических словарей (см., напр.: [18; 19]), а также лингвогеографического приёма.

Результаты

Классификация подчинительных союзов:

очевидное и спорное

Авторы данной статьи, ориентируясь на устоявшуюся классификацию союзных средств, функционирующих в карельском языке (см., напр.: [7, 97; 28, 78; 29, 138]), предлагают свою классификацию. Данная типология нацелена не только на выявление «слабых мест» классификации, вошедшей в качестве основной в грамматики карельского языка, но и на максимально полный охват спектра значений, выражаемых гипотаксическими коннекторами, а также на сопоставление этой семантической палитры с данными русского языка, оказавшего значительное влияние на карельский.

Типология подчинительных союзов и союзных слов строится обычно на основе семантического критерия, то есть по виду выражаемых релятами логических отношений между главной и придаточной частями. С точки зрения выражаемого союзами значения можно выделить следующие группы союзов в собственно карельском наречии карельского языка:

1) изъяснительные союзы: *jot't'a* (Тунгуда) 'что, чтобы' (*tuldih koist'a šanomah, jot't'a on tuamos kuolomašša* (Тунгуда) 'пришли из дому сказать, **что** твоя мать при смерти' [24, 70]), *kun* 'как' (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга), *što* 'что' (Паданы, Суоярви, Тверь, Тихвин, Тунгуда) [26, V, 520], (*tuamo šanel'i, što d'iedole ej himottan t'äd'ä ottua, da šano zastuavittij*) (Тихвин) 'мать рассказывала, **что** дедушке не хотелось эту брать, да сказала, заставили' [17, 170]);

2) временные союзы: *konsa* 'когда' (северно-карельские диалекты) [8, 98] и его фонетические варианты: *konša* 'когда, как только' (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга) *konza* 'когда, как только' (Паданы, Поросозеро), *konža* 'когда, как только' (Ондозеро, Реболы, Ругозеро, Тикша, Тунгуда, Тверь), *kōža* 'когда' (Тихвин), *kōža...ni* 'когда...то' (Тихвин); *ennen kun* 'до того как' (северно-карельские диалекты) [29, 139]; *ku* 'как' (Тихвин) (*huomenekšella ku nōžet annat l'ehmil'l'ä olgie* (Тихвин) 'а утром **как** встанешь, то дашь коровам соломы' [17, 170]). Последующие союзы, обычно описываемые в качестве темпоральных, но связывающих ряд событий во временную цепочку, выражают также и оттенки обусловленности, получая добавочные оттенки причины, следствия, условия (подобно русским двойным союзам когда..., то или когда..., так): *kun* 'когда',

kun...ni 'когда... то' (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга, Тунгуда) (*kun kazi kiugualla ved'äyd'yū, n'iin vuota viluo* (Тунгуда) '**когда** кошка на печку забирается, тогда жди холодов' [24, 117]); *kuni* 'до тех пор, пока' (северно-карельские диалекты) [7, 98]; *kun'i* 'пока, до тех пор, пока' (повсеместно на территории бытования собственно карельских диалектов) (*pit'i ruatua kun'i päivän'i paisto* (Калевала) 'надо было работать, **пока** солнце светило' [24, 117]), (*kun'i milma šuačiit, ožakaš ol'it, toista rubeit, ožatoin l'ien'it* (Тверь) '**пока** меня любил, счастливый ты был, другую полюбил, несчастным стал' [20, 121]), *ku...n'i* 'когда...так (то)' (Тихвин) (*oj šillojn ku Duar'ja da šanel'i, n'i ol'imma kuollun kaikin* (Тихвин) 'ой, **когда** Дарья и рассказывала, **так** чуть мы все не умерли от смеха');)

3) причинные союзы: многозначный, выражающий, наряду с обусловленностью событий, также идею времени (подобно русскому *когда*), *kun* 'так как, потому что' (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга, Тунгуда) [24, 117], *potomu što* 'потому что' (Тихвин) (*t'ämä miū ubed'i, potomu što kn'tga ol'i* (Тихвин) 'это меня убедило, **потому что** такая книга была' [17, 170]), *što* 'что' (Тихвин) (*hyö šiennytji tuaton piel'l'ä, ob'id'il'is', što mikši šie möjten* (Тихвин) 'они рассердились на отца, обиделись, **что** он продал (птицу)' [17, 171]);

4) условные союзы: *kun...ni* 'если..., то' (северно-карельские диалекты) [7, 98] (*hukka kun piäsöy liäväh, ni hiän revittäy kaikki lampahat* 'волк, **когда** попадёт в хлев, **то** он разорвёт всех овец' [29, 139]), *jos, još* 'если' (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга, Гайколя, Зашеек, Паданы, Сельга, Тикша, Тунгуда) (*riähkä tulou, još viet jätät stolalla* (Зашеек) 'грех будет, **если** воду оставишь на столе'); *još ...ni* (Сельга) 'если..., то' (*još ollet ken ambunun jouččenen, n'i se čakattii lujaa* (Сельга) '**если** был такой, кто убил лебедя, **то** его ругали сильно' [24, 70]), *jeesli* (Паданы), *jesl'i* 'если' (Паданы, Суоярви, Тихвин) [26, I, 490], *jeesl'i, ježel'i* (Тверь) [26, I, 490], *jes'l'i...to* 'если...то' (Тверь) (*jes'l'i mie t'änä vuodena mänen miehel'l'ä, to kuulukkah kellozet* (Тверь) '**если** я в этом году выйду замуж, **то** пусть слышатся колокольчики' [20, 73]), *ku* 'раз, коль', *n'i* 'если', *ku...n'i* 'коль...то', *što ku...ni* 'если...то' (Тихвин) (*jo ku šie miula hyvität, n'i mie s'iula hyvitätä* (Тихвин) '**коль** ты мне сделал добро, **то** и я тебе сделаю добро' [17, 170]);

5) целевые союзы: *jotta* 'чтобы' (северно-карельские диалекты) [7, 99], *d'otta* (Ондозеро,

Тунгуда) ‘чтобы’ (*d’otta lehmä lypsäis’ enemmän, pid’äy šyöttyä paremmin* (Тунгуда) ‘чтобы корова доилась больше, надо кормить лучше’), *ni jotta* ‘чтобы’ (северно-карельские диалекты) [28, 72], *štobi* ‘чтобы’ (Тихвин, Тверь) (*nu ruagl’onkat panet, štobi jalgoi gol’aško i čarajii* (Тверь) ‘ну, паголенки натянешь, чтобы ноги, голени не поцарапать’ [21, 129]);

б) уступительные союзы: *hot’...n’i* ‘хоть...а’ (Тихвин) (*nu jo ka hot’ min šel’gie pane čajn’ikka da stopka, n’i jo hūhaldj* (Тихвин) ‘ну уже хоть какие чистые поставь чайник и стопку, а всё равно споласкивал’ [17, 170–171]);

7) компаративные (сравнительно-уподобительные и сравнительно-противопоставительные) союзы: *kuin* ‘как’ (повсеместно на территории бытования собственно карельских диалектов) [26, II, 405] (*muissat, kuin pahua unda* (Тверь) ‘ты вспоминаешь, как плохой сон’ [20, 120]), *niin kuin* ‘как будто’ (северно-карельские диалекты) [7, 98], *ka ku* ‘вроде, как’ (Тихвин), *što* ‘вроде, как’ (Тихвин) (*ka šinä oldji muožet, što pal’ietat ommeldu* (Тихвин) ‘а тут как эполет были пришиты’ [17, 171]).

Приводимый П. М. Зайковым пример употребления союза *jotta* ‘чтобы’ (северно-карельские диалекты) (*siula pitäy syvvä enämpi, jotta voisit ruatua hyväsistäh* ‘тебе надо есть больше, чтобы ты мог работать лучше’» [7, 98]) в качестве коннектора следствия демонстрирует в данном контексте целевое значение и не представляется корректным. Отсутствие репрезентаций в речи носителей собственно карельского наречия карельского языка результативных по значению союзов свидетельствует об отсутствии специального следственного коннектора (в финском языке, по данным словаря [1, 167], союз *jotta* может выступать в значении ‘так что’, однако приводимый в словаре пример демонстрирует контаминацию значений меры и степени (квантитативного) и результативного (*ovi lensi kiinni sellaisella voimalla, jotta ikkunat helisivät* ‘дверь захлопнулась с такой силой, что окна задребезжали’ [1, 167]); в русском языке единственным примером подобной скрепы является среди подчинительных союзов *так что* – ср. также с семантикой вводимых союзом *ut* «предложений следствия» в латыни [22, 236–238].

В тихвинском диалекте собственно карельского наречия карельского языка В. Д. Рягоев предлагает выделять ещё одну группу союзов – «вопросительные»: *kuin...ku* ‘как...коль’ (*nu kuin šie*

et juo, ku on kaikki parda i kaikki r’izja kaikki on okšennettu n’i (Тихвин) ‘ну как же ты не пьёшь, коль вся борода, вся риза и всё запачкано’ [17, 170–171]), – однако представленный В. Д. Рягоевым единичный пример двойного союза *kuin...ku* представляется более адекватным интерпретировать в качестве сочетания вопросительной частицы (в главной части) и относится, как мы предполагаем, к коннекторной паре «вопросительное местоимение (*kuin*) + союз со значением ситуативного несоответствия (*ku*)».

Классификация союзных слов

В собственно карельском наречии карельского языка синтаксические конструкции, помимо перечисленных подчинительных союзов, соединяются с помощью союзных слов – релятов *местоименного происхождения*, выражающих следующие грамматические значения:

1) изъяснительное значение: *ken* ‘кто’ в косвенных падежах (повсеместно на территории бытования собственно карельских диалектов): *kel’l’ä ol’i, n’i [pandii] el’äviä hobieda* (Кумсозеро) ‘у кого было, так [клали (под сруб)] ртуть (букв. ‘живое серебро’), *ei šua t’ied’yä oža-riebuo, kenen viereh hyyryst’yu* (Тунгуда) ‘не дано знать своё счастье, с кем рядышком приклонишься’ [24, 93]; *mi* ‘что’ (в формах номинатива ‘что’ и косвенных падежей), повсеместно на территории бытования собственно карельских диалектов): *tyttö pakajau, mitä piäh tulou* (северно-карельские диалекты) ‘девочка говорит, что в голову взбрѣдет’ [7, 99]; *miksi* ‘почему, зачем’ *miksi tulit?* (Тунгуда) ‘зачем ты пришѣл?’ [24, 163];

2) определительное (атрибутивное) значение: *missä* (повсеместно на территории бытования собственно карельских диалектов): *en tiijä sitä sijua, missä kuoloma tulou* (северно-карельские диалекты) ‘я не знаю того места, где смерть настигнет’ [7, 99], *mimmon’i* ‘какой’ (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга, Поросозеро, Тикша), *mimmoin’i* ‘какой’ (Ондозеро), *mimmone* ‘какой’ (Прокколя), *mimmon’e* ‘какой’ (Тунгуда), *kumpan’i* ‘который’ (Калевала, Вокнаволоок, Кестеньга), *kumbane* ‘который’ (Сегозерье, Паданы, Поросозеро), *kumban’i* ‘который’ (Ондозеро, Ругозеро, Тикша, Юшкозеро), *kumban’e* ‘который’ (Тверь): *Pedru ol’i pruazn’ikka t’ämä n’ytten, kumbane tulou* (Сегозерье) ‘Петров день был следующим праздником, который должен был наступить’, *val’iče puu, kumbazeh noužet* (Ругозеро) ‘выбери дерево, на которое ты взберѣшься’ [24, 116], *kumbazeh puuh olet šivottu, šid’ä i buššet*

(Тверь) ‘к которому дереву привязан, то и бодаешь’ [20, 121];

3) пространственное (локальное, местное) значение: *kunne* ‘куда’ (повсеместно на территории бытования собственно карельских диалектов), *kunna* ‘куда’ (Мяндусельга, Ондозеро, Тунгуда): *kunne panet, šieltä i otat* (Калевала) ‘куда положишь, оттуда и возмёшь’, *missä* ‘где’ (повсеместно на территории бытования собственно карельских диалектов), *mis's'ä* ‘где’ (Тунгуда).

П. М. Зайков выделяет группу союзных слов с временным значением, однако приведённый автором пример свидетельствует о том, что коннектор *konsa* ‘когда’ является союзом, а не относительным местоимением: *ennen, konsa myö olimä nuorina, kyläh tultih sulhaset* ‘раньше, когда мы были молодыми, в деревню приходили женихи’ [12, 99].

В тихвинском диалекте собственно карельского наречия карельского языка союзными словами могут выступать прилагательное и наречие в местоименно-относительном употреблении, выражающие атрибутивное и пространственное грамматические значения:

- прилагательное: *kumman'e* ‘который’ (Тихвин) ® *nu ka t'ämä nainé šanel'i t'äd'ä paginua, kumman'e on kirjutettu* (Тихвин) ‘ну так эта женщина говорила про тот рассказ (случай), который у вас записан’.

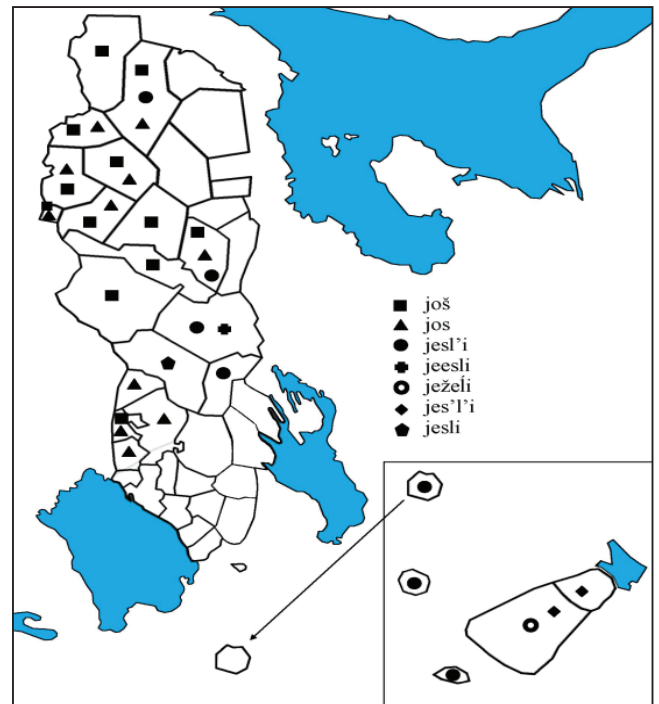
- наречие: *miššä / mišt'ä* ‘где’ (Тихвин) ® *a heboñe vuottä šiel'ä, mist on hän l'äs t'en* (Тихвин) ‘а лошадь ждёт там, где его она покинула’, *a šilda ž ol'i ka meil'ä šiel'ä Moklokovalla mejl'ä, miššä nyt on perehoda* (Тихвин) ‘а мост был у нас там на Моклоково, где теперь переход’ [17, 172].

Семантическая палитра грамматических отношений, выражаемых карельским предложением, уступает по своей широте палитре русских сложноподчинённых конструкций, и это понятно: на протяжении столетий карелы владели только устной формой существования языка, получившего письменную фиксацию лишь в XX в. (так, нам не удалось обнаружить в имеющихся в распоряжении источниках сложных предложений с союзными или местоименными придаточными присоединительными, следственными, сопоставительными, подобными русским конструкциям с союзным словом *что* (напр.: *Иногда подымался холодный ветер, что было значительно хуже* (Сергеев-Ценский)¹, союзами *так что, между тем как, в то время как, тогда как* и др.)

Данные лингвогеографии и некоторые этимологические замечания

Этимология союзных и местоименных коннекторов в последнее время вновь активно изучается (см., напр., [5; 25]). Представляется полезным этимологические размышления на материале союзов и союзных слов карельского языка сопроводить ссылкой на лингвогеографические данные: по верному замечанию А. В. Дыбо, «география явления позволяет поставить вопросы об архаизмах и инновациях, о заимствованиях слова» [4, 151], помогая также и решению этимологических и компаративистских задач.

Например, с помощью лингвогеографического приёма мы получаем интересные данные о распространении разных фонетических вариантов союзов *jos, jesl'i, ježel'i* ‘если’ (см. карту 2) в диалектах собственно карельского наречия карельского языка:

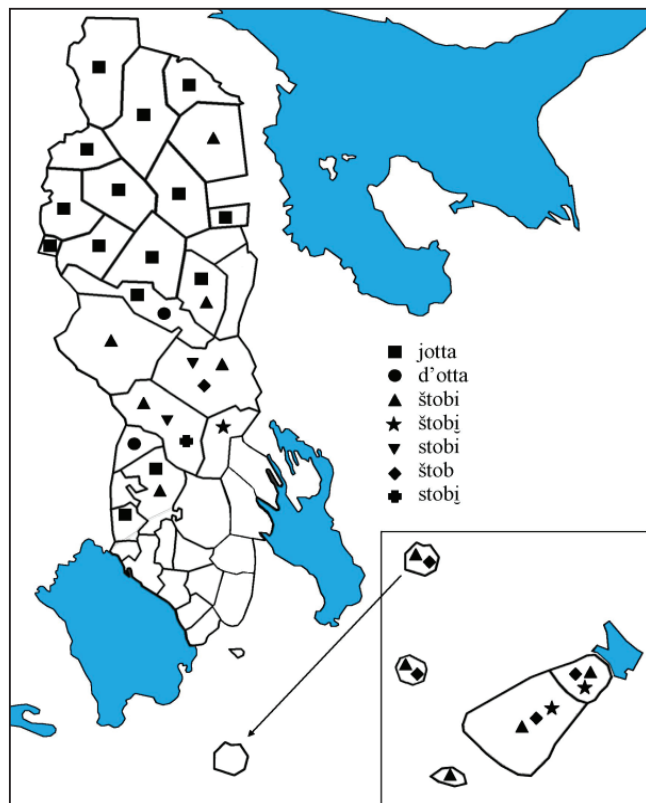
Карта 2. Распространение союза ‘если’

Согласно полученным сведениям, практически повсеместно были распространены вариации союзов *jos, još*, которые являются общим прибалтийско-финским наследием [27, I, 242]. Отмечается высокая частотность употребления союза *jesl'i*, заимствованного в диалекты карельского языка посредством русского. Влияние русского языка прослеживается и в союзах *jeesli, ježeli, jes'l'i* и *jesli*, которые использовались лишь

¹ Пример из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка: <https://ruscorpora.ru>

в некоторых поселениях. Стоит заметить, что в местах бытования северно-карельского (Кестеньга) и южно-карельского (Тунгуда) диалектов одновременно употреблялись союзы *jos*, *još*, *jesl'i*.

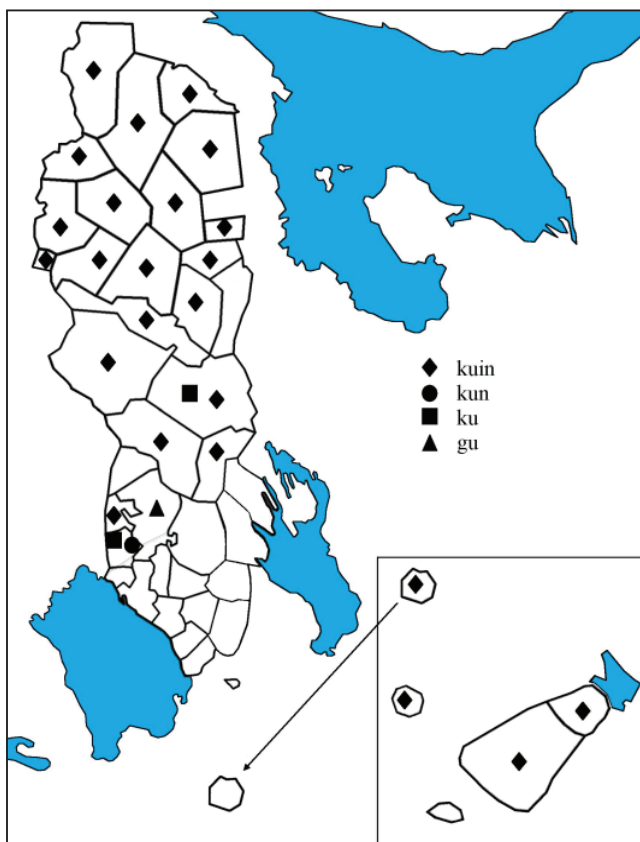
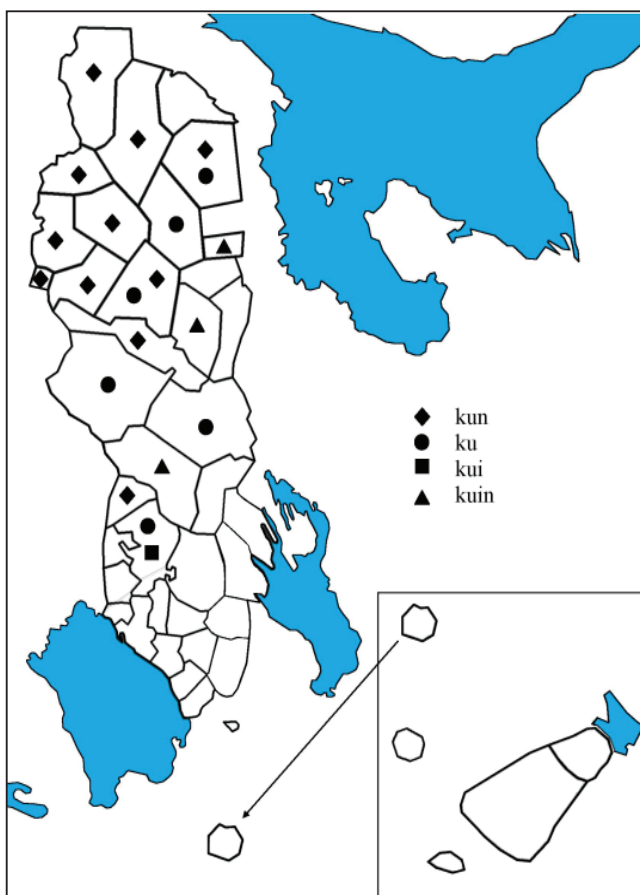
Интерес представляет и ареал использования союзов *jotta*, *štobi* (см. карту 3), в которых также отмечаются локальные особенности.

Карта 3. Распространение союза 'чтобы'.

Охват распространения союза *jotta*, являющимся прибалтийско-финским наследием [27, I, 242], включает все территории бытования диалектов собственно карельского наречия: северно-карельского, южно-карельского, тихвинского и тверского. Фонетическая вариация (наличие звонких смычно-взрывных согласных) *d'otta* свойственна для южнокарельских диалектов (Реболы, Иломантси). Наличие заимствованного из русского языка союза *štobi* (варианты: *štobi*, *štob*, *stobi*, *stobi*) отмечено в южнокарельских диалектах (Паданы, Реболы, Поросозеро, Мяндусельга). Однако, в суоярвском диалекте отмечается использование как союза *jotta*, так и *štobi*, что указывает на длительное контактирование финнов, русских и карелов.

Интерес вызывают сведения о распространении многозначного и имеющего разные фонетические варианты союза *kun* (*kuin*, *ku*, *kui*, *gu*) (см. карты 4 и 5):

Карты 4, 5. Распространение временного союза 'когда, как, пока, до тех пор, пока' (карта 4) и компаративного союза 'как, как будто' (карта 5).

Союзы *ku*, *kun* являются исконно-прибалтийским наследием [27, I, 423–424]. Союз *gu* является производным от *ku*. Это может быть связано с фонетическими особенностями южнокарельских диалектов, для которых свойственно доминирование звонких согласных. Союзы *kuin* / *kui* заимствованы, вероятно, из финского языка (ср., напр., с финским союзом *kuin* ‘как’). Опираясь на лингвогеографические данные, можно заметить, что союзы *kuin*, *ku* и *kun* имеют обширную семантику и употребляются повсеместно на территории проживания собственно карелов. Компаративный союз *gu* свойственен только для суоярвского диалекта, в котором превалируют звонкие согласные.

К заимствованным из русского языка союзам следует отнести значительную часть из представленных выше союзов: *ni* ‘ни’ от русс. ‘ни’; *što* ‘что’ от русс. ‘что’; *hot* ‘хоть’ от русс. ‘хоть’; *potomu što* ‘потому что’ от русс. ‘потому что’.

К исконно прибалтийско-финским союзам принадлежат союз *konsa* / *konza* / *konža* ‘когда’ и союзные слова *kunne* ‘куда’, *ken* ‘кто’ [27, I, 342, 397, 437], *mi* ‘что’, *missä* ‘где’ [27, II, 164].

Обсуждение и заключение

Основным средством, выражающим отношения зависимости, обусловленности, в карельском языке являются подчинительные союзы и союзные слова (местоимения относительные). Перечень союзов и их семантические особенности свидетельствуют о достаточно широкой функциональной палитре системы гипотаксиса в карельском языке.

Типология средств подчинения в собственно карельском наречии карельского языка в рамках

данного исследования была расширена за счёт введения ранее не выделявшихся семантических групп союзов, таких как уступительные. Впервые отмечается отсутствие союзов следствия в карельском языке.

Многозначность ряда союзов доказывает давность их бытования в диалектном узусе, однако этимологический анализ релятов выявил большой удельный вес коннекторов, заимствованных диалектами карельского языка из русского и являющихся общим прибалтийско-финским наследием. В силу длительного отсутствия у карелов своей письменности, заимствование союзов явилось для карельского языка важным средством расширения структурно-семантических и синонимических возможностей на уровне сложного предложения. По этой же причине именно синтаксический строй демонстрирует единство норм современного письменного карельского языка и создает достаточные основания для их фиксации в грамматиках и словарях.

Степень употребительности коррелятов (соотносительных местоименных слов) в главных частях, связанных с союзными словами в придаточной, очевидно, требует отдельного исследования в сопоставлении с другими прибалтийско-финскими и русским языками.

Перспективным также представляется анализ частотности и функционального спектра союзов и союзных слов на материале фольклорных и авторских поэтических и прозаических произведений, созданных на разных наречиях карельского языка, поскольку именно художественный текст максимально расширяет и обогащает возможности языковой системы.

Список сокращений

Диалекты карельского языка (карта 1): (диалекты собственно карельского наречия) влд. – валдайский, вкн. – вокнаволоцкий, всг. – весьегонский, вчт. – вычатайбольский, држ. – дёржанский, илм. – иломантсинский, кнт. – контоккский, крб. – корбисельгский, крт. – керетский, кст. – кестеньгский, мдс. – мяндусельгский, мсл. – маслозерский, олг. – оулангский, пдж. – подужемский, пдн. – паданский, пнз. – панозерский, прз. – поросозерский, рбл. – ребольский, ргз. – ругозерский, смс. – суомуссалмский, срв. – суоярвский, сст. – суйстамский, тлм. – толмачевский, тнг. – тунгудский, тхв. – тихвинский, тхз. – тихтозерский, ухт. – ухтинский, шзр. – шуезерский, юшк. – юшкозерский, (диалекты ливвиковского наречия) вдл. – видлицкий, влз. – ведлозерский, имп. – импилахтинский, кнд. – кондушский, ктк. – коткозерский, нкл. – некульский, рпш. – рыпушкальский, слм. – салминский, смз. – сямозерский, тлз. – тулмозерский, (диалекты людиковского наречия) мхл. – михайловский, слд. – севернолюдиковский, срл. – среднелюдиковский, юлд. – южнолюдиковский.

Список источников и литературы

1. Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М.: Живой язык, 2006. 815 с.
2. Винокурова И. Ю., Новак И. П. Карелы. Введение к разделу // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 15.

3. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселева, Д. Пай-ар. М.: Метатекст, 1998. 446 с.
4. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в сравнительно-историческом языкознании // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы / сост. В. А. Кочергина. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2004. С. 142–166.
5. Завьялов В. Н. Семантико-синтаксические свойства русских разделительных союзов в аспекте их этимологии и структуры // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 66. С. 5–25. DOI: 10.17223/19986645/66/1.
6. Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 294 с.
7. Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.
8. Зайков П. М., Ругоева Л. И. Карельско-русский словарь. Петрозаводск: Периодика, 1999. 215 с.
9. Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование). М.: Изд-во МГУ, 2001. 451 с.
10. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. Новак, М. Пенттонен, А. Руусканен, Л. Сиилин. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
11. Манаенко С. А. Категоризация служебных слов на основе дискурсивного употребления // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 495–500.
12. Новак И. Грамматика тверского карельского языка. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 177 с.
13. Новак И. П. Карельский язык и его диалекты // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 56–65.
14. Патроева Н. В., Пашкова Т. В. К вопросу о коннекторах сложного предложения (на примере ливвиковского наречия карельского языка) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 517–525. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-517-525.
15. Родионова А. П. О некоторых особенностях именного словоизменения в карельско-людиковской диалектной речи // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 284–293.
16. Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 169 с.
17. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Ленинград: Наука, 1977. 287 с.
18. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
19. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения (теоретический курс). М.: Наука, 2006. 264 с.
20. Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
21. Слушаю карельский говор / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.
22. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб.: Изд-во Олега Абышко; Университетская книга – СПб., 2016. 592 с.
23. Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 1990. 157 с.
24. Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КнигоГрад, 2009. 751 с.
25. Холодилова М. А. Специализированные относительные местоимения, образованные от вопросительных, в славянских языках // Вопросы языкознания. 2020. № 4. С. 7–24. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.4.7-24.
26. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae. I, 1968. 576 p.; II, 1974. 591 p.; V, 1997. 634 p.
27. Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKST. I, 1992. 503 p.; II, 1994. 503 p.
28. Zaikov P. Karjalan kielen kieliooppi (muoto-oppie). Petrozavodsk: PetrGU. 1993. 207 p.
29. Zaikov P. Karjalan kieliooppi. Petroskoi: Periodika. 2002. 208 p.
30. Zaikov P. Vienankarjalan kieliooppi. Helsinki: KSS, 2013. 284 p.
31. Õispuu J. Djorža-Karjalan nominitaivutus. Tallin: Eestin SNT:n tiedeakatemia, 1988. 43 p.
32. Õispuu J. Djorža karjala vormisõnastik. Tallin: Tallinna Pedagoogikaülikool, 1995. 128 p.

References

1. Vakhros I., Shcherbakov A. *Bol'shoy finsko-russkiy slovar'* [Large Finnish-Russian dictionary]. Moscow: Zhivoj yazyk Publ., 2006. 815 p. (In Russian)
2. Vinokurova I. Yu., Novak I. P. *Karely. Vvedeniye k razdelu* [The Karelians. Introduction to the section]. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2019. p. 15. (In Russian)
3. *Diskursivnyye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language: the experience of contextual and semantic description]. Moscow: Metatext Publ., 1998. 446 p. (In Russian)
4. Dybo A. V. *Semanticheskaya rekonstruktsiya v sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii* [Semantic reconstruction in comparative historical linguistics]. *Sravnitel'no-istoricheskoye issledovaniye yazykov: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Comparative-historical study of languages: current state and prospects]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 2004. pp. 142–166. (In Russian)

5. Zavjalov V. N. *Semantiko-sintaksicheskiye svoystva russkikh razdelitel'nykh soyuzov v aspekte ikh etimologii i struktury* [Semantic and syntactic properties of Russian dividing conjunctions in terms of their etymology and structure]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2020, no. 66, pp. 5–25. (In Russian, Karelian)
6. Zaykov P. M. *Glagol v karel'skom jazyke* [Verb in the Karelian language]. Petrozavodsk: PetrGU Publ., 2000. 294 p. (In Russian, Karelian)
7. Zaykov P. M. *Grammatika karel'skogo yazyka* [Grammar of the Karelian language]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 1999. 120 p. (In Russian, Karelian)
8. Zaykov P. M., Rugoeva L. I. *Karel'sko-russkiy slovar'* [Karelian-Russian dictionary]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 1999. 215 p. (In Russian, Karelian)
9. Inkova-Manzotti O. Yu. *Konnektory protivopostavleniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh (sopostavitel'noye issledovaniye)* [Comparison connectors in the French and Russian languages (comparative study)]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 2001. 451 p. (In Russian)
10. *Karel'skiy yazyk v grammatikakh. Sravnitel'noye issledovaniye foneticheskoy i morfologicheskoy sistem* [Karelian language in grammars. Comparative study of phonetic and morphological systems]. I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Petrozavodsk: KarNC RAN Publ., 2019. 479 p. (In Russian, Karelian)
11. Manaenko S. A. *Kategorizatsiya sluzhebnykh slov na osnove diskursivnogo upotrebleniya* [Categorization of service words based on discursive use]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies], 2019, no. 37, pp. 495–500. (In Russian)
12. Novak I. *Grammatika tverskogo karel'skogo yazyka* [Grammar of the Tver Karelian language]. Petrozavodsk: KarNC RAN Publ., 2020. 177 p. (In Russian, Karelian)
13. Novak I. P. *Karel'skiy yazyk i yego dialekty* [Karelian language and its dialects]. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2019. pp. 56–65. (In Russian)
14. Patroeva N. V., Pashkova T. V. *K voprosu o konnektorakh slozhnogo predlozheniya (na primere livvikovskogo narechiya karel'skogo yazyka)* [To the issue of connectors of a complex sentence (by the example of the Livvik dialect of the Karelian language)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (3), pp. 517–525. (In Russian)
15. Rodionova A. P. *O nekotorykh osobennostyakh imennogo slovoizmeneniya v karel'sko-lyudikovskoy dialektnoy rechi* [About some features of nominal inflection in the Karelian-Ludik dialect speech]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (2), pp. 284–293. (In Russian)
16. Rodionova A. P. *Semantika karel'skoy grammatiki* [Semantics of Karelian grammar]. Petrozavodsk: KarNC RAN Publ., 2015. 169 p. (In Russian)
17. Ryagoev V. D. *Tikhvinskiy govor karel'skogo yazyka* [The Tikhvin dialect of the Karelian language]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 287 p. (In Russian, Karelian)
18. Sannikov V. Z. *Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in semantic and pragmatic space]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 624 p. (In Russian)
19. Skoblikova E. S. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya (teoreticheskyy kurs)* [Modern Russian language. Complex sentence syntax (theoretical course)]. Moscow: Flint: Nauka Publ., 2006. 264 p. (In Russian)
20. *Slovar' karel'skogo yazyka* [Dictionary of the Karelian language]. Comp. by A. V. Punzhina. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1994. 396 p. (In Russian, Karelian)
21. *Slushayu karel'skiy govor* [I listen to the Karelian dialect]. Comp. by A. V. Punzhina. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2001. 208 p. (In Russian, Karelian)
22. Sobolevsky S. I. *Grammatika latinskogo yazyka. Teoreticheskaya chast'. Morfologiya i sintaksis* [Grammar of the Latin language. Theoretical part. Morphology and syntax]. Saint-Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko; Universitetskaya kniga – SPb Publ., 2016. 592 p. (In Russian)
23. Fedotova V. P. *Ocherk sintaksisa karel'skogo yazyka* [Essay on the syntax of the Karelian language]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 157 p. (In Russian, Karelian)
24. Fedotova V. P. *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii* [Dictionary of the Karelian dialects of Karelia]. V. P. Fedotova, T. P. Boyko. Petrozavodsk: KnigoGrad Publ., 2009. 349 p. (In Russian, Karelian)
25. Kholodilova M. A. *Spetsializirovannyye otnositel'nyye mestoimeniya, obrazovannyye ot voprositel'nykh, v slavyanskikh yazykakh* [Specialized relative pronouns formed from interrogative in the Slavic languages]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of Linguistics], 2020, no. 4, pp. 7–24. (In Russian)
26. *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, I. 1968. 576 p.; II. 1974. 591 p.; V. 1997. 634 p. (In Finnish, Karelian)
27. *Suomen sanojen alkuperä*. Helsinki: SKST, I. 1992. 503 p.; II. 1994. 503 p. (In Finnish)
28. Zaikov P. *Karjalan kielen kieliooppi (muoto-oppie)*. Petrozavodsk: PetrGU, 1993. 207 p. (In Russian, Karelian)
29. Zaikov P. *Karjalan kieliooppi*. Petroskoi: Periodika, 2002. 208 p. (In Russian, Karelian)
30. Zaikov P. *Vienankarjalan kieliooppi*. Helsinki: KSS, 2013. 284 p. (In Finnish, Karelian)
31. Õispuu J. *Djorža-Karjalan nominativutus*. Tallin: Eestin SNT:n tiedeakatemia, 1988. 43 p. (In Finnish)
32. Õispuu J. *Djorža karjala vormisõnastik*. Tallin: Tallinna Pedagoogikaülikool, 1995. 128 p. (In Estonian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Патроева Наталья Викторовна, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), доктор филологических наук.

nvpatr@list.ru

ORCID.org: 0000-0003-3836-6393

Пашкова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), доктор исторических наук.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID.org: 0000-0002-0505-4767

ABOUT THE AUTHORS

Patroeva Natalya Viktorovna, Chair of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin st., 33), Doctor of Philological Sciences.

nvpatr@list.ru

ORCID.org: 0000-0003-3836-6393

Pashkova Tatyana Vladimirovna, Chair of the Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin st., 33), Doctor of Historical Sciences.

tvpashkova05@mail.ru

ORCID.org: 0000-0002-0505-4767